

М.Е. ПАНИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1.09 (Кучерявкин В.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ГОРОДСКОЙ БЕСТИАРИЙ В ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА КУЧЕРЯВКИНА

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению урбанистических реалий в творчестве петербургского лирика Владимира Кучерявкина. Кучерявкин широко использует традиции «Петербургского текста», гротеск и сюрреалистическую образность, стилизацию и интертекстуальность. В данной работе рассматривается семантика городского транспорта, а именно – образа петербургского трамвая и метро. Трамвай – представитель «горизонтального» измерения города, представлен как животное, лишенное свободы. Метро – inferнальный двойник трамвая, подземное царство мертвых. Путь лирического героя в выбранных стихотворениях – это замкнутый круг, выражающий, с одной стороны, устойчивость существования, но, с другой стороны, монотонность времени, движение без продвижения.

Ключевые слова: постмодернизм, Петербургский текст, урбанистический пейзаж, сюрреализм.

Поэт Владимир Кучерявкин – талантливый, умный, тонко чувствующий, ироничный, философствующий лирик. В стихах Кучерявкина, как отмечает Л.В.Зубова, всё может быть и существом, и предметом. Интонация автора – интонация человека, которого мир очаровывает и огорчает, но самое главное – этот мир наполнен видимым и слышимым смыслом, и в нем есть душа. Человек в таком мире не хозяин, не слуга и не гость, человек в нем – поэт¹.

Владимир Кучерявкин родился в 1947 г. в Калининграде. Окончил Калининградский политехникум, работал слесарем, какое-то время жил в Ленинграде на вокзале, пел с цыганами. Потом окончил филологический факультет Ленинградского университета. Сейчас живет в Петербурге, преподает английский язык в Институте иностранных языков. В 2001 г. вошел в шорт-лист Премии Андрея Белого. Автор книг: «Танец мертвой ноги» (1994), «Треножник: Стихи, проза» (СПб.: «Борей-арт», 2001), «Избранное» (М.: Новое литературное обозрение, 2002).

Владимир Кучерявкин – поэт петербургский, но его «петербургские тексты» живут не гулом прошедших столетий. Трудно охарактеризовать

¹ Зубова Л.В. Предисловие // Кучерявкин В. Треножник: стихи, проза. – СПб.: «Борей-Арт», 2001. С. 5-9.

место этого поэта в сегодняшнем литературном Петербурге – это потому, что в его поэзии переживание здесь и сейчас становится столь реальным, что не хочется говорить о «месте в литературе» и о «ее сегодня»². Творчество В. Кучерявкина, яркого петербургского поэта конца XX – начала XXI, мало изучено. Однозначно отнести поэзию Кучерявкина к какому-то одному направлению нельзя, хотя можно обнаружить ряд черт, общих со всей литературой постмодернизма или же неомодернизма.

Автор дает почувствовать таинственность, многомерность мира, где одно переходит в другое и где все взаимосвязано. В. Кучерявкин использует характерные черты «Петербургского текста»; наряду с жизнеподобными формами, он широко использует гротеск и сюрреалистическую образность; особую роль играет стилизация и интертекстуальность³.

«Трудно охарактеризовать место этого поэта в сегодняшнем литературном Петербурге – это потому, что в его поэзии переживание здесь и сейчас становится столь реальным, что не хочется говорить о “месте в литературе” и о “ее сегодня”», – полагает Б. Шифрин⁴.

«Горизонтальное» измерение города представлено у Кучерявкина за счет длительных перемещений лирического героя на работу и с работы на городском транспорте. Трамвай – самый частотный образ в стихах поэта. Кучерявкин по-своему трактует литературную традицию, связанную с образом трамвая.

Есть нечто завораживающее в трамвайном мотиве. Обусловленный рутинной поездкой по городскому маршруту, мотив вбирает в себя не только экзистенциальную, но и онтологическую проблематику.

Как отмечает Н.Р. Скалон, средство передвижения в любой форме наррации (от коня эпического или фольклорного героя до почтовых, коляски или тарантаса классической литературы) семантизировано и возносится до символа. Но трамваю принадлежит особая роль. Именно он в гораздо большей степени, чем автомобиль («мотор»), самолет или ракета, стал выражением наступающей массовой цивилизации. Своеобразие трамвайного путешествия в том, что он оборачивается метафизической авантюрой. И она инициирована не героем, а «средством передвижения»⁵.

² <http://www.litkarta.ru/russia/spb/persons/kucheryavkin-v/>.

³ Барковская Н.В. Неосентиментализм в поэзии В. Кучерявкина // Русская литература XX-XXI веков: Направления и течения. Вып. 8. – Екатеринбург, 2005. С. 205-217.

⁴ Интернет источник: <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/1/skid.html>.

⁵ Скалон Н.Р. Путешествие по старому маршруту (трамвай в русской поэзии 20–30-х гг. XX в. //Филологический дискурс: Вестник филологического факультета ТюмГУ. Вып. 2. Филологические прогулки по городу. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. С. 137-144.

В семиозисе городской культуры, пишет исследователь, трамвай приобрел вполне фиксированную семантику. Она стала «бессознательным» фондом художественной традиции. Можно почти с уверенностью утверждать, что любое обращение к «трамвайной теме» станет лишь вариацией уже закрепленного смысла. Но вариация станет продуктивной лишь при условии причастности к трамваю как прозаическому элементу урбанистического пейзажа – пейзажа сложившейся городской культуры⁶.

Яркая особенность образа трамвая у Кучерявкина – его одушевление, уподобление живым существам.

Солдат, бледнея, ковыряет пальцем книгу
Иль дремлет за окошком тощего трамвая.
Ворвались девы дикие. Вагон хвостом задвигал,
Но продолжает путь, зевая⁷.

Кучерявкин олицетворяет образ трамвая. Трамвай, худой, «тощий», «хвостом задвигал», словно змея; «пустой троллейбус жметя, как змея»⁸. Змея в мифологии – символ плодородия, производящей силы, воды, дождя. В христианстве змей — это и Христос как мудрость, и дьявол, Сатана, искуситель. В русской литературе змей – это символ существа, извергающего огонь, способного летать. Кучерявкин сравнивает трамвай именно со змеей, придавая этому образу особую семантику. Он лишает трамвай-змею зловещей семантики, трамвай показан как существо сонное, уставшее. Происходит метонимический перенос состояния самого лирического героя, едущего рано утром на работу (или поздно вечером с работы) на трамвай, чем обуславливается почти физическое их единство. Сравнение со змеей – не единственное. Кучерявкин продолжает свой комический бестиарий.

«Несчастный, словно мокрая мартышка, / Передо мною встал трамвай с немойтой рожей»⁹: необычно сравнение трамвая с мокрой мартышкой. Мартышка – небольшая обезьяна со стройным телом, тонкими конечностями, выдающейся вперед мордой. Действительно, трамвай внешне похож на мартышку. В тоже время, он «несчастный»,

⁶ Скалон Н.Р. Путешествие по старому маршруту (трамвай в русской поэзии 20–30-х гг. XX в. //Филологический курс: Вестник филологического факультета ТюмГУ. Вып. 2. Филологические прогулки по городу. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. С. 137-144.

⁷ Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. – СПб., «Борей-Арт», 2001. С. 35.

⁸ Там же. С. 47.

⁹ Там же. С. 44.

«с немойтой рожей» – не свободный житель городских джунглей, а обитатель зоопарка.

В поэзии Кучерявкина Петербург как будто совсем не является европейским городом, он напоминает непроходимые заросли, каменные джунгли. Лирического героя можно смело назвать ребенком джунглей, современным Маугли. Он живет вне контакта с другими людьми, не окружен человеческой заботой, изолирован от социума. В городе есть жизнь, есть прохождение, попутчики, но ему роднее неживые предметы, вечные его спутники.

«Раскачивает мозги после пива. / За окнами постылые снега. / И нас по улицам размякшим носит / Трамвай, набычившись и опустив рога».¹⁰ Трамвай здесь подобен вьючному волу или быку, он словно обижается на тех, кого вынужден «по улицам носить». И вероятнее всего, он ломается, так как трамвай опускает «рога» только в том случае, если он неисправен. Трамваю-зверюшке бывает плохо в каменном городе: «Вот и зима. Завороженный сонной природой, / Черный трамвай от холода верещит»¹¹. Этот образ поддерживает тему несвободы, насильственного заключения в городе-зверинце.

Но трамвай не только предстает ручным животным в каменном городе. Трамвай может метафорически соотноситься с человеком, «выпавшим» из своего светлого века, одинокого в толпе: «Трамвай разговаривает сам с собой, никого не замечая, / Как некий любомудр с усами <...> / Опустели вагоны...»¹².

Здесь образ трамвая еще теснее соотносится с лирическим героем, становясь его alter ego. Теперь это образ одиночества, отрешенности, пустоты. В стихотворении упомянуто, что действие разворачивается днем («День такой серый, апрельский, дождливый – наконец-то весна...»). А в вагонах пусто, может быть, потому, что трамваи в Петербурге не такой популярный, как метро, явно устаревший вид транспорта. Трамвай, словно «любомудр», то есть философ, любитель мудрости – явно архаичная городская реалья, отсюда лексика: «любомудр», «некий», «с усами». При описании трамвая Кучерявкин употребляет эпитет «седой трамвай»¹³, внося мотив старости.

Есть группа стихотворений, где образ трамвая наиболее тесно соотносится с лирическим героем, дублирует его состояние.

¹⁰ Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. – СПб., «Борей-Арт», 2001. С. 45.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же. С. 49.

¹³ Там же. С. 91.

Еду в трамвае

Вижу, киска тонконогая бежит.

Вижу, в воздухе подвижном рука ее дрожит.

Лапкой нежной снег белый прижимая.

Такая милая, немая.

И парни долгие ворвались в потревоженный вагон.

И девушка красивая стоит со всех сторон.

Мигнула дверь – и побежали крыши, все выше голоса, все выше.

Анафора усиливает впечатление сиюминутности, акцентируется то, что видит герой из трамвая («вижу, вижу»). Пространство в данном стихотворении – это не только салон трамвая, но и улица (в отличие от предыдущих стихотворений, она появляется впервые). Герой, наблюдая из окна, видит кошку. В русской литературе у образа кошки много значений (олицетворение уюта, тепла, покоя домашнего очага, воплощение мудрости или коварства, кошка также символ сладострастия). В данном стихотворении кошка, скорее, воплощение нежности и ласки. Она дополняет «бестиарий», но вызывает ассоциации не со зверинцем, а с милым, уютным миром. Пассажиры трамвая – это и парни, которые стремительно ворвались в салон, и девушка красивая, которая отражается в стеклах трамвая («стоит со всех сторон»). Пространство в конце стихотворения расширяется, уходит вверх. Вагон вздымается, возникает ощущение полета.

«Улегся на полу, полупьяный и крылатый, / И правильно дышу под стук трамвая»¹⁴ – Трамвай – вечный спутник лирического героя, они дышат в одном ритме. Герой чувствует себя «крылатым», возможно, трамвай – это его Пегас, возносящий в мир творчества.

Но трамвай не только возносит героя прочь от толпы, но и привозит его в центр Петербурга (стихотворение «Трамвай трясет на каждой остановке...»¹⁵). В данном стихотворении можно четко проследить путь трамвая: Театральная площадь, Никольский собор, Садовая улица, больница. Вокруг волнуются толпы народа, город суетлив и многозвучен, однако герой скрыт в своем убежище – трамвае, он по-прежнему одинок в своем «убежище».

Важная особенность для создания образа трамвая – его движение по кругу, по «накатанным» рельсам. Уже название стихотворения «На трамвае туда и сюда»¹⁶ моделирует циклический характер времени жизни героя: все повторяется, концы смыкаются. С одной стороны,

¹⁴ Кучерявкин В. Избранное. – М., 2002. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 93-94.

¹⁶ Там же. С. 95-96.

кольцо – символ замкнутого жизненного цикла, дурного повторения уже бывшего; с другой стороны, это и символ вечности. В этом тексте снова встречается характерное местоположение героя: он видит город из окна движущегося трамвая. Он в городе, но не как участник городских событий, а как созерцатель, наблюдатель, зритель. Он видит людей, дома, другой транспорт (автобусы, автомобили), фонари, Неву, театр. И всюду герой замечает утрату былого величия Петербурга: «Были дворцы, теперь бардаки. А где кричали «браво», там радеют». Трамвай «тащится» медленно, сравнивается с «дохлой кобылой» – так воспринимает герой современность, наше время отнюдь не несется гоголевской птицей-тройкой. Интересно, что трамвай не одобряет такое настроение героя. Когда он возвращается домой «на брове» (т.е. выпив), трамвай его ругает, «бьет по голове».

Трамвай характерен для «горизонтального» измерения Петербурга, связан с повседневной жизнью героя. Герою одиноко в городе, неудобно, и вот трамвай одушевляется, становясь то забавной мартышкой, то милой кошкой, то рабочим волком. Это самое близкое существо для героя. Непременным атрибутом трамвая у Кучерявкина оказывается окно: то герой смотрит в трамвайное окно на город, то видит трамвай из окна своей квартиры. Трамвай формирует точку зрения, задает ракурс в изображении пространства (оно движется, но – мимо героя). Вместе с тем, движение трамвая по заданному маршруту создает ощущение монотонности, однообразия невеселой жизни героя. Если трамвай – это животное, то оно лишено свободы, вынуждено ходить по кругу.

Метро – второй по частоте образ в поэзии Кучерявкина. Если трамвай располагался в «горизонтальном» срезе городского пространства, то метро намечает вертикаль, ведущую, однако, не к небу, а под землю. Метро выступает инфернальным двойником трамвая.

В стихотворении «Метро»¹⁷ подземный поезд также представлен как одушевленное существо, но не бодрое, энергичное существо, а «пьяное», т.е. чем-то одурманенное, охмеленное, не владеющее собой, ничего не понимающее. Кабина машиниста представляется как «голова». Поезд отъезжает не стремительно или спокойно, он «шатнулся в темноту». Словно пьяница, он проникает в темные переулки и ищет, куда бы ему прислониться.

Какой-то пьяный поезд головой вперед
Шатнулся в темноту, зажмутив очи,
Меланхолически открывши черный рот.

¹⁷ Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. – СПб., «Борей-Арт», 2001. С. 35.

Как живое существо, поезд жмурит очи, попадая из света в темноту. Он стоит, «меланхолически открывши черный рот». Поезд словно человек – меланхолик. У него замедленные движения, затрудненная речь, быстрая утомляемость. Как у любого меланхолика, у него устойчивые эмоции, чаще отрицательные. Также он может быть ранимым, замкнутым, отчужденным. Таким образом, поезд метрополитена рисует психологический портрет утомленного горожанина.

Логово такого существа – это «хмельное болото ночи». Логово пугающее, мертвое, страшное. Туннель в метро у Кучерявкина – это царство темноты и безжизненности («Вот миг – и мы в хмельном болоте ночи»).

Во втором четверостишии рисуется лихорадочное движение: «вагон трясется». Но движется он не по своей воле. «Воют по проводам слепые электроны» – это они, бесы в темном царстве, заставляют бежать «пьяницу»-поезд. Вместе с тем, сами электроны «слепые» существа, не знающие ориентира и цели. Внутри вагона (который все так же пьян) сидит единственный пассажир, уносимый в темноту.

В стихотворении «Опять метро как мокрая могила...»¹⁸ автор сравнивает метро с могилой. Опять мы можем видеть, что метро у Кучерявкина – это подземное царство мертвых, неприятное, мокрое. Кабина машиниста напоминает зловещее существо с «жесткими губами». Вагоны поезда «брякают», т.е. издают звук очень неприятный, громкий, раздражающий. В этом царстве мертвых нет тишины, это не благостный рай, а ад.

Люди в метро показаны как жертвы: «И переходами подземными, сырыми несемся». «Роскошный парень под очками кровью пляшет» – вероятнее всего, это наркоман, у которого расширены зрачки, и он прячет их под очками. Или же это вампир, прикидывающийся «роскошным парнем». Помимо него, в царстве мертвых присутствует воющий гармонист. Все воет: и гармонист, и электричка. Под этот вой «толпа кудрявится, как бы живое мыло...», напоминая грязную воду, которую засасывает сток в умывальнике.

«Но вот и станция. Поехали на волю» – так передается движение по эскалатору. Нужно «расставить пошире ноги, чтоб не упасть с этого движущегося механизма». Темное дыхание» – символ толпы, людей при выходе из метро. И уже там, на воле, черные газеты шепчутся. (Как известно, чаще всего переходы метро оборудованы газетными киосками). «Воля» – это все, что за пределами эскалатора. Эскалатор – проводник на волю.

¹⁸ Кучерявкин В. Избранное. – М., 2002. С. 156.

Метро и его переходы – это часть танатического пространства¹⁹.

«И в стороны два поезда уверенно поскачут...» – поезда два, тот, на котором едет лирический герой, и тот, который отправляется с противоположной платформы. Прослеживается мотив отражения, зеркала. Питерское утреннее метро – это безумное, стремительное, полное сил существо («уверенно поскачут»).

В целом, образ метро в стихах В.Кучерявкина отрицательный, пугающий. Герой пугается несущегося поезда, полностью осознав и увидев чудовище этого подземелья. Кроме того, в отличие от поездки в трамвае, которая позволяет созерцать окружающий мир, за окнами несущегося в метро поезда – чернота.

Владимир Кучерявкин очень своеобразно трактует семантику городского транспорта. В русской традиции и до него рассматривались урбанистические образы, но Кучерявкин делает это по иному.

Трамвай задает «горизонтальное» измерение Петербурга. Для Кучерявкина «трамвай» – это милое, сонное, уставшее животное. Нередко он сближает его с образом рептилии или обезьяны. Автор выражает свое одиночество в современном мегаполисе. Одушевляя трамвай, он находит близкого друга, в трамвае он чувствует себя в безопасности. Есть группа стихотворений, где образ трамвая наиболее тесно соотносится с лирическим героем, дублирует его состояние. Лирический герой не свободен в городе-клетке.

Непременным атрибутом трамвая у Кучерявкина оказывается окно: то герой смотрит в трамвайное окно на город, иногда видит трамвай из окна своей квартиры. В некоторых стихах трамвай – это Пегас, который уносит поэта в мир творчества. Путь трамвая, а вместе с ним и лирического героя – это замкнутый круг, что выражает, с одной стороны, устойчивость существования, но, с другой стороны, монотонность времени, движение без продвижения.

Метро – «вертикальное» пространство, ведущие под землю. В отличие от трамвая, метро – это образ пьяного существа, в какой-то степени – психологический портрет жителя Петербурга. Метро – царство мертвых, неприятное и мокрое, как могила на болотистом питерском кладбище. Эскалаторы, переходы формируют модель лабиринта, но и указывают на возможность выхода «на волю».

¹⁹ Барковская Н.В. Неосентиментализм в поэзии В. Кучерявкина // Русская литература XX-XXI веков: Направления и течения. Вып. 8. Екатеринбург, 2005. С. 210.